

Примечание Александра Пищевича на новороссийский край

Рукопись под этим заглавием представляет собою черновой набросок исторического, топографического и хозяйственного содержания. Она состоит из небольшой тетради в лист и нескольких не сшитых листков, не достаточно связанных между собою и по изложению. «Примечания на новороссийский край» обязательно сообщены мне внуком их автора, живущим в родовом имении Пищевичей, селе Скалевом, александрийского уезда, херсонской губернии.

Род Пищевичей выселился в Россию из Австро-Венгрии, в прошлом столетии, в лице Семена Степановича Пищевича, прадеда теперешняго владельца, и отца автора «Примечаний». Последний оставил по себе довольно число дневников, заметок и т. п., был человеком любознательным и начитанным; выйдя в отставку из военной службы в начале нынешняго столетия или в самом конце прошлаго, он остаток жизни провел в своем отцовском имении, селе Скалевом; с 1811-го по 1814 г. был предводителем александрийскаго дворянства; по делам этой должности и по своим частным делам в разное время ездил в Херсон, Николаев, Елисаветград, Александрию и Кременчуг, имел много родственников и знакомых¹ Александр Семенович обладал наклонностями к гуманитарным познаниям: он занимался политикой, историей, воспитанием, но, по видимому, не особенно успешно вел свое хозяйство и не много понимал в нем, а потому и замечания его о новороссийском крае касательно этого предмета отличаются большим диллетантизмом и во многом расходятся с действительностью. Беглый исторически очерк Новороссии в начале его «Примечаний» имеет более интереса, представляя собою, вероятно, передачу сведений, полученных главным образом от отца; здесь приводятся также некоторыя предания, слухи и т. п. мелочи, которыя могут иметь этнографический интерес, хотя вообще рассказываются вкратце. Сербское происхождение автора «Примечаний» наложило очень явственную печать на отзывы и мнения его, касающияся его соотечественников и Запорожья, но суждения его могут остаться за ним. «Примечания» относятся к 1806 году, как видно из одного места их.

В. Ястребов.

Из записок, какия читаем о воинских подвигах России, видим, каким трудностям подвергались войска, проходя дикую степь, от берегов Днепра прилежащую к Малороссии, всякий раз, когда вознамеривалось правительство наказать хищность крымских татар, нападающих на Малороссию». О сем пространно пишет генерал Манштейн в своих записках о России. Кому не известно, что сии же татары некогда сим-же путем проходили до Москвы и тяготили русских среди их столицы данью, чиня при том неслыханныя наглости, поругания Божиим храмам, обезчещивая семейства и безчестив их дочерей и супруг. Наименования среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дочь Великаго Петра, найдя между предположениями, оставленными ея родителем и назначенными к событию, что он, зная всю цену достоинствам сербскаго народа, положил оный вызывать в Россию, воспользовалась теми притеснениями, каковыя сей народ претерпевал во владениях римской императрицы Марии Терезии, и будучи в дружбе с сего монархиней, испросила сербам позволение водвориться в России. Сие переселение сделалось под руководством генерал-майоров Хорвата и Шевича. Притеснения, побудившия сербов оставить свое прежнее отечество, были следующие: «до капитанскаго чина сербин по службе мог достигнуть, а далее никак, какия-бы он услуги ни оказал, не переменяв религии греческой на католическую». Что могло быть обиднее для сего мужественнаго народа, который есть и в религии своей непоколебим! Он тем охотнее шел в Россию, что исповедание веры в оной одно с сербами и заглянув в древность, находим, что сербы и русские суть две ветви от одного славянскаго корня. Но сербы при самом входе в Россию уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербов в Росси, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцев в одном месте селить. Из сего родилось, что с Хорватом вышедшие поселены около Днепра и сия земля названа Новосербиюю, а около Бахмута выведенные Шевичем составили селения, и та часть наименована Славяносербией. Зломыслящие представили иностранцами сербов, которые искали покоя под сению православной церкви! Могут-ли когда-либо сербы называться в России иностранцами².

Как-бы то ни было, но Елисавета, поселив сербов на том месте, где проходить татарам в Россию предлежало, показала тем, сколь много она надеялась на сей воинственный народ. Оправдали-ли сербы сие ея доверие, время показало: они не токмо край им вверенный защищали от набегов татар, поляков и запорожцев, но населив все пространство между Бугом и Днепром, доставили в три последующая войны (1769, 1787 и 18...)³ с Портою все выгоды для армии, в которых сами и дети их участвуя, оказали престолу примерную преданность.

Генерал-майор Иван Самойлович Хорвата, заняв под выводимый им народ Новую Сербию, избрал для себя главным местом пребывания на р. Большой Выси небольшую слободку, так называемую Трисягу, заселенную малороссиянами, едва из 20 изб состоящую, которую он назвал Мироградом. Впоследствии Мироград называли Миргородом и, дабы отличить от Миргорода, в Малороссии лежащаго, то к сербскому Миргороду прибавили «Ново», я и потому вышел уже сей Новомиргород. Это место ему понравилось по своему хорошему положению, а при том и есть у самой границы польской.

Тогда сделан был штат на два полка им выводимаго народа: гусарский хорватов и пандурский пехотный; каждый из этих полков состоял из 20 рот, а рота из 100 человек. Сии два полка составлялись из сербов, греков, молдован, валахов, выводимых Хорватом, или после приходивших с семействами, которых семейства известны были под именем фамилиатов. Два другие полка гусарские, не принадлежащее к сему новому населению, находились в Малороссии, под именами: болгарскаго и македонскаго. В сии два полка отсылались все те выходцы из заграницы, которые являлись в Россию без семейств, как-то венгры, немцы, поляки. Булгарским полком командовал премьер—майор Пишчевич, отец сочинителя сих «Примечаний», а македонским полковник Костюрин.

Вся Новая Сербия иначе не делилась, как на полки; уездов или округ тогда не было. Новая Сербия имела укрепленные места: крепость св. Елисаветы⁴, шанцы: Глинск, Крылов, Крюков; впрочем шанцами назывались все сии вновь заводимыя селения, хотя-бы они и без укрепления были. Многия селения названы были по именам селений, оставленных вышедшими сербами в австрийском владении. Пандурскому полку принадлежали селения: Бечи, Вараждин, Глоговац, Сомбор, Вершац, Шолмош, Чонград, Глинск (штаб—квартира пандурскаго полка), Крылов, Крюков, Павлыш, Сланкамень⁵.

Во всяком селении ротный начальник был и начальником селения и семейств ему вверенной роты.

Не долго продолжалось начальствование генерал майора Хорвата в Новой Сербии. Он был обвинен перед престолом и его не токмо сменили, но и сослали в Вологду в политическое заточение из котораго выезд ему был вовсе запрещен. В владениях австрийских не замедлил о сем распространиться слух и потому сербы перестали выезжать, а притом Мария Терезия, видя, сколь охотно они переселяются в Россию, оный возбранила.

Изследовать дела генерал-майора Хорвата были определены генерал-поручик Мельгунов и генерал-майор Исаков, которые и открыли для сего следственную комиссию в крепости св. Елисаветы. Первое, что сия комиссия сделала, было описать имение Хорвата. Между прочим, в вину причтено ему было и то, что он из Австрии и Венгрии выписал всю гусарскую и пандурскую аммуницию и тем из России вышла знатная сумма денег в чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое им войско иначе нельзя было всем потребным, ибо в России о ландурах никакого, а о гусарах весьма мало понятия тогда имели. Прочтя Хорвату сентенцию военного суда, отпущен он был на его квартиру, куда послан был после полковник, долженствовавший его заковать в железо. Сей полковник порученное ему дело производил с некоторою робостью. Хорват, заметя сие, сказал ему: «делай, что тебе велено, меня ничто не удивит от москалей» ...

По удалении Хорвата из Новой Сербии, генерал-поручик Мельгунов поставлен начальником оной. Мельгунов сделал новое положение сему краю, которое стало известным быть под названием «мельгуновскаго штата». По оному Новая Сербия названа новороссийскою губерниею и Кременчуг сделан губернским городом, а крепость св. Елисаветы—провинциальным городом. Из полков гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарские полка, в 16 эскадронов каждый, под названием желтаго и чернаго, и часть селений отделена для составления елисаветградскаго

пикинерного полка. В это-же время и Славяносербия сопричислена к азовской губернии и полк там гусарский назван бахмутским гусарским. Во время начальствования Мельгунова начали переходить из Малороссии и Польши малороссияне и селиться в селениях, сербами заведенных, и сии уже состояли под управлением земскаго начальства. Чтобы сии переселения умножить, начали давать чины по числу выводимых из заграницы семейств, которыя водворялись в гусарских селениях. От ротных земель начали отделять части и раздавать под населения штаб и обер-офицерам. Бравшие таковыя земли шесть лет избавлялись от платежа поземельных денег, а по проишествии оных взималось со всякой десятины по 2? к , и кто-бы мог подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убегать от приобретения себе земли. Населять позволялось тогда выведенными из-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залить опой, то чтобы не заплатить пени.

В 1769 году, при начале войны россиян с турками, молдаване, притесняемые турками, начали спасаться бегством с своими семействами в новороссийскую губернию. В это время поручено было Василию Степановичу Звереву поселить их от Буга до Елисаветграда и из оных составить молдаванский гусарский полк, котораго он, Зверев, и был полковником⁶.

В 1775 году войска, возвращаясь из Турции, часть оных была отряжена под начальством генерал-поручика Текеля к жилищам запорожских козаков, которых разбойничье скопище было уничтожено и вся их земля присоединена к новороссийской и азовской губерниям. При сем случае вторичная последовала в сем крае раздача земель к заселению и дана льгота к неплатежу поземельных денег на 10 лет. В сие-же время начали строить город Херсон, а потому и сия запорожская степь стала больше известна быть под именем херсонской степи. По уничтожении сих козаков, Текеля испросил у императрицы прощение сосланному в Вологду генерал-майору Хорвату, которому возвращено имение и позволено жить в своих деревнях.

Торжествующая Екатерина II, окончив славно в 1774г. войну с Портою оттоманскою, наградила некоторых из чиновников сербской нации, со славою служивших на ратном поле, знатными поместьями в Белоруссии. В сие время новороссийская губерния вверена была князю Григорию Александровичу Потемкину. Сей редкаго ума вельможа сначала очень полюбил сербскую нацию, любил из среды ея видеть около себя, даже сопричислил к телохранителям великой Екатерины гусарский эскадрон, который весь составлен был из сербов.

Полки желтый, черный, бахмутский и молдавский, которые прежде состояли каждый из 16 эскадронов, Потемкин разделил на 6-ти эскадронные и умножил число полков гусарских, которые наименованы по провинциям, сербским народом населенным. Родились имена полков: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, болгарскаго и пр., а сверх сих: волошский, молдавский, македонский. Все сие подавало мыслить, что вельможа сей мечтал возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидел он ссорящихся начальников между собой (ссоры, происшедшая от зависти,— порок, которому по несчастию сербы подвержены); одному в Белоруссии дали больше душ, другому меньше, третьему ничего. Ни один не хотел обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всем вдруг пожаловать не возможно. Из зависти началась ссора, а от сей до ненависти шаг, а потом родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сие доходило, наконец наскучило и он от сей толико несогласной нации отстал. Ко всему этому надобно было случиться, что генерал-майор Сем. Гавр. Зорич взошел у императрицы на ту счастливую степень, какой только может смертный в сем мире достигнуть, и сей Зорич не хотел себя ставить в ровне ни с кем, не хотел помыслить, что ежели монархия его с удовольствием видит его при себе, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государственным делам, которых в Зориче не виделось. Зорич не токмо все хотел равным быть Потемкину, но показывал своим обращением, что он выше его, гордости был непомерной с кн. Потемкиным, а ласки чрезмерной со всеми россиянами, что составляло совершенную противоположность тому обращению, которое князь имел с русскими: он был против их гордости непомерной, был неприступен. Натурально судя, что из сих двух особ Зорич имел сердца всех на своей стороне, а князю это все не нравилось. Екатерина, положа на весы их обоих, увидела, что для великости ея дел князя ей при себе надобно удержать, а посему Зорич от двора удален. Посли сего имя сербов в России пало, хотя впрочем Зорич и не был велик протектор своей нации.

В 1784 г. новороссийскую и азовскую губернию, соединив во едино, назвали екатеринославским наместничеством. В те время и селения, до того носившая сербския наименования, переименованы большею частию по речкам или урочищам, на которых они поселены, или именами тех козаков, которых хутора на тех местах находились до прихода в сей край сербов⁷. Напр. Бечи названа Усовкою, потому что тут был хутор козака Усика, Сомбор—Диковкою, ибо козак Дик имел прежде на том месте хутор. До прихода сербов в сей край около Днепра начали было из Малороссии и Запорожья становиться хуторами козаки, из которых хуторов вышли: Глинск, Крылов, Табурище, Крюков. И так лучше захотели сохранить память простых козаков, может быть разбойников⁸, нежели оставить наименования в память народу, заселившему дикий край и тем сделавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о том, что сами служили со славою России и дети их служат с редкою приверженностью и мужеством⁹. В сие-же время и полки гусарские в русской армии совершенно уничтожены, которых места заступили легкоконные под совсем другими именами. От сего дворянство сербское, служившее всегда в гусарских полках, разошлось по всей армии. Впоследствии дети сербских господ, живущих около Бахмута, имевшая случай служить при лице государя Александра I, выпросили у него наименование ими заселяемого места славяносербским уездом и устройство города Славяносербска. Дворянству Новой Сербии остается переименовать Новомиргород Новосербском, устроив в оном уезде, составить новосербский гусарский полк, в который-бы кроме из сего уезда рекрут других не давать, а дворяне сами войдут в оный. Сверх сего всем селениям возобновить бывшия сербския имена, полки гусарские елисаветградский и александрийский также велеть составлять из оных уездов, из которых они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербия начала селиться, тогда здесь были большие леса. Хорват строго воспрещал оные истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, как плетеные избы. Дальновидный Хорват часто говаривал: «леса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей». Многие сему смеялись, и не мудрено: тогда плавание на Черном море почиталось собственностью турок; никакая нация другая не смела лодочки в сие море показать. О Херсоне, Николаеве и Одессе никто и помыслить не мог. Но Хорват с гусарскими усами и ментией на опашку проникал тайны кабинетов. По удалении из Новой Сербии Хорвата и когда начали сей край посещать полки, тогда приметным образом начали истребляться сии леса, ибо сверх того, что рубили оные для лагерей безо всякой пощады, но заводимы в леса команды полков, где проживая, строили обозы, выделявая ложа ружейныя и другия полковыя потребности, а всего хуже было то, что некоторыя команды делали непозволительную продажу леса в посторонния руки.

Главные в Новой Сербии леса суть: так называемая Чута, Великий Лес и Черный Лес. В сих лесах водились медведи, дикия свиньи, олени и козы¹⁰. Теперь сих уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. В Чуте был стекляной завод, который после уничтожен. Черный Лес был подарен князю Потемкину, который он продан в другия руки. Теперь Чута и Великий Лес под ведением форшмейстера Лебедева, которому позволено продавать валежник и очищать леса. Справедливо то, что г. Лебедев слова «очищать леса» приводит во всей силе, в исполнение и продает без пощады не валежник, а столетние дубы и другое всякое дерево. Соблюдая некоторый порядок, он доставляет казни ничего не значущий доход в сравнении с теми великими тысячами, который себе откладывает. Лебедев происходит из поповичей и имея родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною девкою, сего предстательства довольно было, чтобы его в пять лет вывести в коллежские ассесоры за исправный присмотр казенных лесов и соблюдение государственного интереса.

Мое мнение: при сих лесах завести суконныя фабрики, и лес, продаваемый для пользы г. Лебедева, мог-бы употреблен быть для фабрик. Шерсть для сукон могла-бы почти у ворот фабрик покупаема быть, заведя для того ярмарки при оных. Все сие гораздо-бы больше принесло казне прибыли, нежели продажа лесу. Напротив того, теперь вывозят шерсть из здешняго края на фабрики в Великороссию и первый раз платят за провоз оной те фабрики, потом другой раз платят, доставляя оную в сукне для войск, в сем крае расположенных; а учредя фабрики, по моему мнению, около сих лесов, комисариаты могли-бы прямо из оных получать на обмундирование войск.

Теперь, обращаясь к описанию херсонской степи, на которой жили прежде запорожские козаки хуторами, имея конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цель была России взять их под свое покровительство, чтобы они защищали пределы империи от набегов крымских татар. Ожидание сие не свершилось: запорожцы границы

совсем не обороняля, а еще способствовали татарам проходить в пределы России, грабили Польшу и тем подавали повод к частым неприятностям с соседственными державами. Сии тунядцы любили себя больше всего, грабежем обогащались и полагали совершенным себе счастьем то, что могли в пьянстве и разных буйствах безпрестанно обращаться. Сие скопище разбойников, как выше сказано, было в 1775 г. отдельным корпусом войск уничтожено, главный их город Сечь был обложен; взяв Кошевого сего буйнаго общества и истребив разогнанием онаго даже имя запорожских козаков, земли, им принадлежавшия, розданы под заселение всем тем, кто пожелал оныя брать, и тем содеялась пространная область полезною государству¹¹. Сечь, переименованная селом Покровским, подарена бывшему тогда генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому при 200,000 десятин земли. Впоследствии времени сии 200,000 десятин земли заселены 3,000 душами и наследниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, соделавшемуся коллежским ассесором, нажившим необъятную сумму денег от содержания им на откупу соляных озер в Тавриде. Таким образом Штиглиц соделался первым в сем краю помещиком. Такова Россия для бродяг: кто-бы смел подумать в прежния времена сказать запорожцам, что их милая Сечь будет современем принадлежать жиду!..

Грунт земли на всей херсонской степи каменист, отчего хлеб родить худо, а садов в очень немногих местах развести можно. Око нигде не остановится здесь не токмо на каком либо лесу, но ни на одном деревце. Огородов совсем нет и зелени никакой, что, однакож, приписываю я не земле, а лености жителей, ибо земля во многих местах мною найдена удобною для огородов. Кажется, что здесь мог-бы быть в некоторых местах разводим виноград, ежели-бы к тому приложено было старание. Несколько помещиков сделали было опыт и довольно удачный; у генерал-поручика барона Бефвица в садах виноградных делали уже и вино, но две жестокия зимы истребили всю лозу, и хозяева, потеряв охоту, перестали заниматься оным. В таком случае потребно было-бы поощрение правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку¹², который временем, заменил-бы привозимое из Молдавии вино, на что выходит из государства знатная сумма денег, а может быть, выискались-бы и такая места, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другим редким винам. Пример тому мы видим на Дону, где есть довольно хорошаго вина, но почва цимлянской станицы дает вино, которое не уступает бургонскому лучшему вину.

Дикий камень, вынимаемый из земли на херсонской степи, служит для разных построек и потому здесь все живут в каменных домах, в которых летом прохладно, а зимою чрезмерно холодно, и тем более оный чувствуем, что когда хлебу неурожай, то и соломы для человека нет, и вырезают от скота навоз, который здесь называют кирпичем; летом оный высушивают на солнце; сем кирпиче даже кушанье варят. Ограды домов также каменные. Но все сие строение имеет вид снаружи развалины, бедность обещающей, когда оное не обмазано. Между сим камнем есть такого рода, который к строению очень удобен: он мягок и режется даже ножом, может выглажен быть наилучшим образом для строения, но леность народа не позволяет употребить труд для сей обделки, он находит более удобства его класть кучею и промежутки залепить глиною.

Кажется, правительство очень заботится о населении херсонской степи и ежели сие сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идет много скота за границу, следовательно тем делается доход государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнению, сию степь оставить при том населении, в каком она теперь (1806 г.) состоит, котораго хотя и не в большом количестве, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагают, что казна терпит от малости людей подушный сбор, то можно наложить подать на землю и владелец оной может оную заплатить, ибо земля ему дает прибыль скотоводством, а поселенцы не будут в силах выплачивать, ибо им нельзя будет тогда столько скота держать, а хлеб редко когда удастся. Лета здесь, можно сказать, видят только май месяц, а потом начинаются нестерпимые жары, которые, без помощи сильных дождей, выжигают все. Вот причина, от чего степь сию населяющие жители не могут засеваемым ими хлебом прокормиться, а довольствуются покупным, из чего видно, что большое число людей на сей степи только будет тяготить народ, а пользы никакой не принесет. Зимы бывают здесь редко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключением однако-же зимы с 1804 на 1805 г., в которую погибло скота, особливо овец, великое множество, и то не лютости зимы приписать должно, а только трем дням марта месяца, в которые случились вьюги сильныя с снегом, и в которые погибло столько овец, что многих хозяев в конец разорило, и сию потерю вообще не тысячами, а миллионами ставить должно. По окончании зимы,

скот откармливается легко в апреле и мае месяцах, потом, в жары, начинает худеть, а с половины сентября до декабря пользуется умеренною теплотою и освеженною травою. Впрочем, скот редкую зиму бывает на сухом корму, а обыкновенно довольствуется подножным кормом. Из всего мною сказанного видно, что сия земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведения скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно неминуемо иметь загоны. Степь сия имеет много волков, лисиц и зайцев, а птицы всякаго рода в великом множестве; некоторыя из этих птиц при начале зимы улетают в теплыя места и весною опять возвращаются. В прежния времена водились здесь целые табуны диких лошадей, но теперь осталось их мало. Степь херсонская вмещает на себе многочисленныя стада (сии стада называются здесь отарами) волошских, большею частию белых овец. Чудной сими овцами и почти не понятный ведут хозяева счет. Ежели отара тысячи две или три, то является к оной болгар¹³ в пастухи, или чабаны, не соглашаясь никак служить за деньги, а вводит в отару часть и своих овец, например, в тысячную отару ставит своих 500 овец, и тогда он с хозяином состоит в половине. Таким образом, в несколько лет у чабана столько-же овец, сколько и у хозяина. Во все это время чабан держит на общем иждивении еще несколько болгар для присмотру за овцами, держит пару или две волов, которые везут для них съестныя припасы, держит 10¹⁴ ...

Реки, ея степь протекающая, выключая Днепра и Буга, суть две главнейшия: Ингул и Ингулец. Впрочем, все другия речки суть то текущи при сильных дождях и весною от талого снега, то ничего (не) значущие ручейки, на которых заняты пруды и на оных построены мельницы. В сии речки изобилуют разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множестве разсеянныя курганы, могилами здесь называемые; они суть насыпи, по обыкновению древних, над убитыми во время сражения воинами. Ежели сии курганы имеют от того свое начало, то сильныя побоища должны были быть в сих местах. На некоторых из сих курганов поставлены каменныя статуи, изображающия муштин или женщин, грубой обработки. Не известна причина, для чего сии изображения были выставлены: был ли это монумент убитому, лежащему в кургане, или народы, обитавшия сию степь, поклонялись сему истукану. Сии курганы служили запорожцам маяками для польских пределов, ибо тогда не было на сей дикой степи дорог, а они добирались от кургана до кургана до желаемого места. Кажется, что всякий поляк, проезжая таковой курган, должен содрогнуться, видя пред собой путеводителя, который некогда доводил разбойников до его отчизны, где сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилию и мечу.

На степи херсонской во время сильных снежных зим бывает опасно при вьюгах проезжать оную и, потеряв дорогу, неминуемая гибель должна последовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обе стороны прорезать рвы, которые бы были путеводителем до Херсона, Николаева и Одессы от стороны Крюкова. Обсадить сии рвы деревьями можно-бы, и это бы было, кроме украшения, и польза, но сии деревья не уцелеют, ибо мы видим, что проезжие чумаки, для сварения своих каш, рубят и версты, и за сие остаются не наказанными. По моему мнению, сию дорогу обсадить кустами бузины,— дерево, для топлива не способное, но цель, для которой посажена, была бы выполнена, и на таком пространстве разведя, сколько бы цвету можно было бы собрать для аптеки!

Едучи по сей степи, видим во время сильных ветров, осенью отрываеваемый бурьян, так называемый перекасти поле, который с чрезмерною скоростью перекачиваясь по необозримой равнине, уподобляется вдали какому (sic) бегущему зверю, а иногда, поднимаясь ветром вверх, представляет большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: один называется катран, который весною простолоудины едят в великом числе и почитается кровочистительным, а другой, курай, составляет, когда созреет, круглый куст колючей травы, которую верблюды едят преимущественно всем травам. Оба же рода сей травы известны здесь под именем перекасти-поле. Сия трава нередко сама себя приготовляет для топлива, заносима будучи в какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже ветром не будучи поднята, накопляется большою кучею; тогда живущие по близости такого места набирают оную для топлива в домах.

Здесь кончается тетрадь; ниже следующее воспроизводится по отдельным листам, уцелевшим повидимому, не вполне.

Здравый разум не позволяет отыскивать в архиве запорожскаго скопища каких либо записок о начале их скопища, но некоторыя рассказы, от стариков мною слышанныя и перешедшия к ним по преданию старейших из них, здесь предложу. Натурально судя, нельзя за все сии бредни ручаться.

Начальное их скопище произошло от небольшого числа людей, приплывших от Азова на плавках (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на левом берегу Днепра, против теперешнего Херсона, назвав оное Алешками (Алешки теперь уездный город таврической губ), по имени Алексея, ими над собою поставленного начальника. Сии Алешские жители, впоследствии времени, разделились на два именованья, хотя и составляли одно общество: живущие в Олешках назывались плавниками и упражнялись в рыбной ловле, а живущие по днепровским плавням и островам, лесом покрытым, именовались пластунами. Сии пластуны занимались стрельбою зверей, тогда в плавнях в великом множестве бывших. На том месте, где теперь Херсон, владычествовала какая то девица, по имени Харсия, над каким-то народом и имевшая войну с каким-то царем, который ее покорив, истребил и полонил ее народ, после чего владения Харсии исчезли. Всего этого мы не находим ни в какой истории и потому надобно считать за басню, ими выдуманную, или быть, рассказами изуродованную. Впоследствии турки, или крымские татары, начав притеснять олешских жителей, то они оставили сие место и перешли на правый берег Днепра, основав свое жилище ниже порогов и потому называли себя порожеанами, а впоследствии запорожцами, главное же свое место наименовали Сечью. Здесь их скопище начало умножаться из разных мест приходящими, в том числе наиболее такими, которые содеяли какое либо преступление.

Сечь разделилась на четыре части, пириями названныя. Каждая пирия состояла из 10 куреней, а каждый курень вмещал в себе тысячу человек¹⁵. Курень был пространное строение. Весь город обнесен был валом; у брамы, или ворот стража впускала только известных людей. Во всяком курене оставалось до 200 человек, известных под именем сиромых, не имевших ни какой собственности; они получали жалованье и провиант и должны были быть готовы, по первому востребованию, на службу, и потому сии сиромыхи назывались (?) регулярными воинами. Прочие жили хуторами, зимовниками называемыми, где, плодили скот и лошадей, и имели, смотря по достатку, других бродяг человек по несколько для присмотра за скотом. Сих прислужников не редко хозяин зимовника вооружал, сажал на кони и отправлял грабить Польшу, делясь добычею с ними. О таковых побочных походах Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущее на островах все остались при прежнем своем наименовании пластунов и сверх звериной ловли завели многочисленныя стада свиней, который откармливались и до того одичали, что когда приезжали купцы оных покупать, то иначе не могли их взять, как застрелив. Несколько из сих пластунов завели большие заводы кошек, вмещаемых в выстроенных сараях и не токмо доставляли хозяину прибыль от продаваемых их кож, но еще и тем, что на некоторой окрестности не смели появляться ни хори, ни.....(пропуск в подлиннике); они все это давили и приносили для корму своим детям. Хозяин, снимая сии кожи, продавал, а мясо бросал кошкам.

Запорожцы не забывали ограбленным серебром, золотом и другими камнями украшать церковь в Сечи и таковое окровавленное приношение полагали богоугодным. Сия церковь соединяла в себе неоцененныя богатства. Одних евангелиев, серебром украшенных, считалось 30, в том числе до 10 непомерной величины, из которых, во время крестнаго хода, каждое едва поднималось было 4 человеками; паникадил было 12 огромных, серебряной оправы. В середине города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверх сего, войсковая скарбница, в которой хранилась войсковая казна и пушкарня, где были пушки. Всякая пирия имела свою скарбницу, где содержалась особая казна, принадлежавшая той пирии.

Все вообще запорожцы не имели жен ни в Сечи, ни в зимовниках. Некоторые, однакож, женились в соседних городах или деревнях и оставляли там своих жен. Были таковы, что женились в разных местах по два и по три раза. Но сие казалось прекращенным по следующему случаю. Один козак, захав в местечко Кропивное¹⁶, женился на племяннице своего кошевого, Григория Калныша, и оставив жену у ее матери, уехал в Запорожье, обещав скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращения, взяла дочь и отправилась к своему брату в Сечь. Сей случай заставила кошевого сделать постановление, что все те козаки, которые пожелают жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубеже полков Новой Сербии. Таковых деревень составилось пять, под названиями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сие постановление имело свое начало за 8 лет до истребления Сечи, т. е. начали было умом жить, но поздно. Правда, что сии заселения умножались такими людьми, которые из пикинерных поселений пожелают, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали их с семействами, называя своими родственниками и

препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить таким образом число жителей было только известно одним буянам-запорожцам.

На сей степи было довольно сайгаков или диких овец. Старики помнят их стада, покрывавшая его степь. Рассказывают, что когда приходило время им ягниться, тогда стада приходили к хутору и вблизи онаго останавливались до тех пор, пока все не токмо оягнятся, но и их ягненки придут в силу. Повидимому, они сближались к людям для того, чтобы обезопасить себя от хищного зверя, но в мнимых своих защитниках обретали то, чего убегали: запорожцы оставляли их в покое только до того времени, пока их дети придут в силу, и тогда начинали убивать старых и малых и тем отгоняли от себя такую скотину, которая, может быть, современем содеялась-бы домашнею. По замечанию старых запорожцев, сайгаки удалились, неведомо куда, за год до истребления Сечи и во весь сей год, подходя табунами к зимовникам, производили некий странный крик. Так заставляют запорожцы оплакивать падение их войска даже и зверей.

Начало весны здесь прекрасно; вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цветы; но сия приятность едва до исхода июня месяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые ветры, пожигающие всю зелень. Трава иссыхает, стада скота, с весны на жирных пастбищах утученныя, начинают худеть и ежели осень от дождей и возвращение теплой погоды не поправит корм, то скот, входя в зиму худым, нередко производит падеж. Таковой климат мы, находим, по описаниям, в дикой Аравии, за то она и осталась необитаемою; но Россия, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сию степь. Народ живет и бедствует: новое доказательство, что сии степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлять на оных мучиться людей.

Все жилища, и те самыя, которыя уже по 20 лет заселены, кажутся по своей скудности как будто вчера на то место перенесенными. Многие скажут: как-же заселили часть сей степи от Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но там есть отчасти чернозем, а большею части песок, на котором кое-как хлеб родится, а в дождливое время и довольно хорош, а на Херсонской степи земли нет и на два вершка, а по (под) ней камень или известь, на которой, известно, нельзя ни хлебу, ни садам быть¹⁷.

Сия-же степь определена судьбою была видеть первыя заселения жидов. Разсеянные по всему миру, херсонская степь их приемлет в виде хлебопашцев. Под их деревни отведено много земли. На первую зиму их много умерло. Обрабатывают они хлеб худо. Видеть, как они пашут, есть смеху достойно. Возле волов, в плуги запряженных, стоит жидов куча, всякий кричит, всякий понуждает. Воловья тихость с жидовскою опрометчивостью не сходна. Плуг тронется с места и кидается во все стороны поверх земли. Жиды, не видая дать оному настоящаго направления, чтобы придать ему тяжести, садятся на плуг, опрокидываются. Оканчивается все это тем, что приходит несколько жидовок, имея каждая по чулку в руке, и какими нибудь домашним кляузами займут всю честную беседу разговором. Волон в это время никому и в голову не придет выпрячь, и так день пройдет. Из их селений выйдут современем род местечек, в которых есть всякие мастеровые; могут они жить разными оборотами, отдавать свою землю в наймы, но хлебопашцами не будут никогда.

Этим исчерпывается все содержание «Примечаний на новороссийский край» А. С. Пищевича. Из дневников его за разные годы начала нашего столетия приводим ниже заметки, касающиеся состояния новороссийскаго края и колонизации его.

„Дневная Записка на 1806 год». 27-е июня. После обеда приехал ко мне черногорский ердарь Никшич-Требашинич с своею женою, с которым я был знаком в Петербурге. Он человек лет уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россиянке, бойкой и умной, и живут очень хорошо. Сердарь есть важный чин в Черной горе, здесь едо переводят на полковничий, но что до того, а скажем, зачем зашел г. Никшич в Россию. Известно, что турки притесняют черногорцев в их земле, которым сие притеснение не дешево стоит, но не меньше неприятно в таком соседстве жить, вечно быть, так сказать, на карауле и в готовности или убить, или самому быть убиту. Вот что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многие его родные последовали, числом до 100 душ, и они вышли в последний год царствования великой Екатерины; 12,000 десятин земли им отведено под поселение недалеко от Одессы¹⁸. Черногорцы с древних времен были всегда приверженными России и в прошлом году они все присягнули в верности оной (?). Г. Никшич жил покойно на отведенной им земле, которую колоннию умножить располагали многие черногорские жители, но определение в

начальники в здешний край, и с немалою доверенностью, дюка-де-Ришелье все испровергло. Он не любил черногорцев, начал их притеснять и из 12,000 десятин земли оставил им только 500, потом хотел их обратить в колонистов, тогда когда они суть все дворяне. Сии, натурально судя, писали в свою отчизну о всех неудовольствиях, какия с ними повстречались в России, и тем прекратился выход дальнейший черногорцев. Изследуем, какую от сего выгоду получает дюк-де-Ри-шелье? Он, служа тайно Бонапартию на гибель России, остуживает ревность черногорскаго народа и всех единоплеменных славян, живущих в европейской Турции, к престолу русскому и тем помогает вошедшим уже в Далмацию французам к одержанию поверхности над политикою русскою в тамошнем краю.

25 октября. Теперь Кременчуг наполняется жидами, которые, в силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали все съестные припасы до чрезмерности в городе, и пока выдумают, чем жить, принялись торговать деньгами; вся медь и мелкия ассигнации в их руках, и берут промен, какой хотят: теперь по 7 коп. с рубля им платят. Ежели покупать в лавке, и купец, продавши рублей на десять, видит сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацию, говорит, что нечем сдать, за неимением сдачи, теряет свою прибыль, и товар лежит.

«Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящая в разных письмах». 13 мая. Кривой Рог. В Кривом Роге вынимается аспидный камень плитами, из котораго выдělываються доски. Здесь-же в земле выкапывают глину разных цветов. Может быть современем будут делать здесь фарфор, о котором таковая-же молва пронесется, как о саксонском и др. Ровно прошло 30 лет, как я на сем месте был, тогда пустом и едва из нескольких двориков состоявшем.

3 июня. Обедать я остановился в новопоселяющей деревни Усвят, при речке Громоклее. Сия деревня составлена из трех наций: великороссиян, приведенных из курской губ., малороссиян из полтавской и черниговской губ. и молдаван, из разных мест сошедшихся. На ночлег приехал я в так называемую Дворянскую деревню, начало свое возымевшую от того, что несколько простых, недостаточных валахов, отправясь в Валахию, у тамошняго дивана купили себе дворянское достоинство и, явясь опять в Россию, начали жить, пользуясь новым своим титулом, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словом, ничего по земству, живучи на праве дворян. Таким образом вся Молдавия и Валахия перешли-бы сюда, соделавшись дворянами, ибо диванам сих княжеств что до того, что простые мужики, заплатив им щедро, становятся на ряду с русским дворянством, лишь-бы они не были наравне с гордыми их боярами. Таким образом 18 семей сих покушных дворян, соединясь в одно общество, купили эту землю, на которой я ночью, у помещика Седнева, в числе 6,000 десятин, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину¹⁹. Земля сия удобна для хлебопашества, имеет много сенокоса, дикаго камня для строения, воду хорошую и довольно рыбы в речке. Обстроив себе дома, завели довольно скота и мнили быть маленькими удельными князечками; люди были довольны своим состоянием, но чорт стоял на биваке и улыбался их мнимому счастью. Началось тем, что правительство русское хватилось умножающемуся валахскому дворянству в России и потому потребовало верных документов на сие титуло, и всех тех, которые таковых не представить, велено обратить в крестьянство. Натурально судя, они никаких доводов к тому не имели и потому поступили в тот класс, из котораго выбраться стоило им и труда, и денег. За тем один молдаванин продал свой участок в 500 десятин по 1 рублю подполковнику Воропанову, который после отнял у них лучшие покосы и выгоднейшия поля для посевов, отнял шинок и запрещал даже брать вино в другом месте.

4-го июня. Кормить лошадей остановился я на станции Вшивой, в 20 верстах от Елисаветграда. Таковое неопрятное название получила она потому, что говорят, в воде здешняго места заводятся иногда насекомыя, похожая на вшей. Однакож, между сими животными заводит деревеньку секретарь Зеленый, служащий в магистрат²⁰.

« Записки Александра Пишчевича на 1815 год, состоящая в разных письмах».

...При семь нельзя умолчать о том, что мы не совсем безопасны среди своих домов: в трех верстах от меня, в лесах Золотаревских, скопище разбойников, от апреля месяца скрываясь, служит ужасом соседям своим. Сия шайка составилась из беглых солдат, отданных в рекруты прошедшаго года, бывших уже судимыми за разбой, но милостивым манифестом от наказания прощенных, а отданных в строй почтенных воинов... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими

рекрутами, и не без того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селениям, а особливо Золотаревке. Леса, служащие убежищем сим людям, легко могут быть окружены и содержимы в некоторого рода блокаде, пока вся внутренность леса разыщется. Прошедший раз, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищем им просторная яма, дощаным засовом задвинутая, на который накоплено было не мало древесного листа. С весны первый набег они сделали на дом помещика Зенфилова, а на сих днях ограбили помещиков Требинского и бывшего у него в гостях Марковича, а потом тоже учинили в дом г. Мефтедовского. Часть вещей, ограбленных у сих господ, найдены в шалаше золотаревского баштана. Смертоубийства хотя еще и нет, но дело уже от того отстоит на один шаг. Удивительно, что полки нас окружают²¹, а не участвуют в поимке сих негодяев, а еще удивительнее деятельность земской полиции.

Примечание Александра Пищевича на новороссийский край
// Киевская старина. - 1884. - № 1 . - С. 111-134

1 Между прочим, Пищевичи находились в родстве и с Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пищевича, Екатерина Дмитриевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата.— В. Я.

2 Поселение корпусов Хорвата и Шевича в разных местах естественнее объясняется нерасположением последнего к Хорвату и нежеланием находиться у него под командой. См. Арх. Гавриила, Очерк пов. новор. кр., стр. 35 и 36. —В. Я

3 Недописка в подлиннике. Вероятно, автор говорит о войне, современной составлению настоящих «Примечаний». — В. Я.

4 Крепость св. Елисаветы заложена генералом Глебовым, которая тогда охранялась гарнизоном регулярного войска. Должно полагать, что она была устроена сколько для защиты новой Сербии от татарского набега, столько и для удержания в должном повиновении новых переселенцев, ежели они умножатся в сем краю.—А в т.

5 Здесь перечислены все шанцы пандурского полка. Шанцы Глинск, Сомбор и Вершац отнесены Скальковским и арх. Гавриилом не к пандурскому, а к гусарскому полку. См. Скальковский, Хронологич. обзор. т. I, стр. 41—42; арх. Гавриил, Очерк повеств. и проч., стр. 11.—В. Я.

6 Майор Зверев (Лупул) поселил молдаван в новороссийском крае значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковского Хронологич. обзор., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт, статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Из выведенных Зверевым и Штеричем молдаван образован новокозачий полк, первым начальником коего был полк. Адабаш. В указ. сочинение смотри определение границ его поселени.—В. Я.

7 Здесь предложу имена сих селений: Бечи (Усовка), Вараждин (Протопоповка), Глоговац (Косовка), Сомбор (Диковка), Вершац (Нестеровка), Шолмош (Стецовка), Чонград (Андрусовка), Павлыш остался при своей имени, Сланкамень уничтожен совсем и земля роздана помещикам, Глинск, Крылов и Крюков остались при своих именах. Глинск был штаб-квартирой пандурского полку.

8 Что здесь предлагается, не есть наобум вырвавшееся заключение: тому служить доказательством то что, Цветинова балка, лежащая над столбовой дорогой между Крюковым и Александрией, носит имя запорожца, пропившего свою одежду.— Авт.

9 Автор наш, повидимому, совершенно упускает из виду необыкновенную живучесть туземных народных названий урочищ. Что касается услуг сербских колонистов, то они непомерно раздуты, так как не одни-же сербы заселяли Новороссию; полки их, вопреки ожидания, были некомплектны, а оплачивались русским правительством весьма не дешево. См. Скальковского, Хрон. обзор., т. I, стр. 64.—В. Я.

10 В Черном лесу и в настоящее время довольно водится коз, как нам не раз передавали; изредка попадаются, говорить, даже олени.— В. Я.

11 Данное суждение о значении Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавших, тем, «кто пожелал оныя брать», суждение, очевидно тенденциозное, интересно для характеристики отношений сербов и запорожцев.—В. Я.

12 Указом 30 апр. 1764 г. предоставлялось право беспошлиной торговли на 10 лет всякому, кто заведет в Новороссии виноградный сад. В Елисаветграде и Крюкове заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. России, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. —В. Я.

13 Сии болгары заходят сюда из-за Дуная не для какого другого промыслу, как быть чабанами. — Авт.

14 Окончание фразы затеряно.—В. Я

15 Число козаков, живших в курене, разумеется, сильно преувеличено. Что касается общего числа куреней, то Скальковский насчитывает их 38. См. Ист. Н. Сечи. Ч. I. стр. 74.—В. Я.

16 М. Крапивное в « » верстах от гор. Переяславля. — Авт.

17 В действительности глубина чернозема в херсонской степи изменяется от 4 вершков до 1? аршина. См. Матер. для геогр. и стат. России, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидт, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будем оспаривать мнения автора о малопродуктивности степи, считая вопрос о том исчерпанным вполне.—В. Я.

18 Разказанное переселение черногорцев и герцеговинцев состоялось в 1804 году; колотя их названа славяносербскою. См. Опыт статист. опис. новор. кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обзор. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. В последнем сочинении число отведенной черногорцам земли показано то-же, что и у нашего автора, в первом-же—всего 3800 десятин. Вероятно, цифра Пишчевича точнее.—В. Я.

19 Не знаем, к какому времени относится эта купля-продажа; судя по старинным купчим, которыя приходилось нам видеть, в северной части херсонской губернии в конце прошлаго столетия можно было купить 1500 дес. (не заселенных) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цена держалась и в первые годы нашего столетия, но уже в 20-х годах десятинна стоила 10 р.—В. Я.

20 Старожилы, не без очевидной натяжки, производят это название от вошивая или обшивая: здесь обшивали военно-поселян.—В. Я.

21 Полки: саратовский пехотный расположен в александрийском, а пензенский пехотный в елисаветградском уездах.—Авт.